

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 1. С. 117–134.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 1. P. 117–134.

Научная статья / Original article

УДК 94(47)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-1-117-134

«В ЦАРСТВЕ СЛЕПЫХ ОДНОГЛАЗЫЕ — КОРОЛИ»: ЭТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДЕКАБРИСТА СЕРГЕЯ МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА

Оксана Ивановна Киянская

Российский государственный гуманитарный
университет (РГГУ), Москва, Россия

Институт научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
Москва, Россия, kianoks@inbox.ru

 Аннотация. В статье речь идет об этических представлениях декабриста Сергея Муравьева-Апостола. Они сформулированы преимущественно в его письмах, как опубликованных, так и до сих пор хранящихся в архиве. Также к анализу привлекаются материалы его следственного дела, мемуарные свидетельства, отзывы исследователей. Автор работы описывает теорию Муравьева-Апостола, согласно которой люди делятся на тех, кто призван «вести» за собою, и тех, чья участь — «быть ведомыми». Идеалом человека, принадлежащего к первой группе, декабрист считал пророка Моисея. Людей же, принадлежащих ко второй группе, Муравьев-Апостол разделял на «слепых» и «одноглазых». Анализируется также религиозная составляющая этических представлений декабриста. В работе делается вывод, что поднятое Муравьевым-Апостолом восстание Черниговского полка во многом обусловлено взглядом декабриста

© Киянская О. И., 2022

на самого себя как на сильную личность, «вождя», призванного повелевать другими и вершить судьбы истории. Кроме того, анализируется желание декабриста принести себя в жертву соотечественникам.

Ключевые слова: декабристы, Сергей Муравьев-Апостол, этика, пророк Моисей, восстание Черниговского полка

Ссылка для цитирования: Киянская О. И. «В царстве слепых одноглазые — короли»: этические представления декабриста Сергея Муравьева-Апостола // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 1. С. 117–134. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-1-117-134>.

Literature. Philosophy. Religion

“TO HAVE ONE EYE IN THE REALM OF THE BLIND — IS TO BE THE KING”:
ETHICAL IDEAS OF SERGEY MURAV’EV-APOSTOL THE DECEMBRIST

Oksana I. Kiyanskaya

Russian State University for the Humanities (RGGU), Moscow, Russia
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian
Academy of Sciences (INION RAS), Moscow, Russia, kianoks@inbox.ru

Abstract. The article speaks about Sergey Murav’ev-Apostol’s ethical ideas articulated in his letters, both published and remaining in archives. Among other research materials are Murav’ev-Apostol’s investigation file, memoirs and historians’ comments about him. The author of the article describes Murav’ev-Apostol’s theory, which claims that people fall into two groups: “the leaders” and “those to be lead”. According to Murav’ev-Apostol, the paragon of the first group is Moses the prophet. Those from the second group can be subdivided into “blind” and “one-eyed”. The religious aspect of these ethical ideas is also considered. It is concluded that the Chernigov regiment uprising, which was instigated by Murav’ev-Apostol, was largely pre-determined by the Decembrist’s self-identification as a strong person, the “leader”, whose mission was to rule others and decide the fates of history. His desire to sacrifice his life for the sake of his compatriots is also analysed.

Keywords: The Decembrists, Sergei Muravyov-Apostol, ethics, Moses the Prophet, revolt of the Chernigov Regiment

For citation: Kiyanskaya, O.I. (2022) “To Have One Eye in the Realm of the Blind — is to be the King”: Ethical Ideas of Sergey Murav’ev-Apostol the Decembrist’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(1), pp. 117–134. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-1-117-134.

Жизненный путь знаменитого декабриста, подполковника Сергея Муравьева-Апостола (23.10.1795–13.07.1826) хорошо известен: он был сыном писателя, дипломата и сенатора Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола, с 1805 до 1809 год жил с матерью, братьями и сестрами в Париже. Начальное образование он вместе со старшим братом Матвеем получил в частном парижском пансионе Хикса, затем в 1810 году братья поступили учиться в Институт Корпуса инженеров путей сообщения. Матвей бросил институт через несколько месяцев после поступления, Сергею же доучиться помешала война: почти все воспитанники были отправлены в армию. Оба брата воевали: Матвей всю войну прошел в составе гвардейского Семеновского полка. Сергей же сменил несколько мест службы: из Инженерного корпуса он перевелся в партизанский отряд генерала Адама Ожаровского, потом — в егерский батальон великой княгини Екатерины Павловны, успел побывать ординарцем у генерала Николая Раевского и вместе с ним в марте 1814 года брал Париж. После войны он стал служить вместе с братом в Семеновском полку.

Известно, что после Семеновской истории — солдатских беспорядков октября 1820 года, вызванных жестокостью полкового командира полковника Федора Шварца, — Сергея Муравьева-Апостола, как и других офицеров, перевели в армию. Он стал подполковником сначала Полтавского, а затем Черниговского полка. В Черниговском полку, дислоцировавшемся под Киевом, он получил должность командира батальона.

Сергей Муравьев-Апостол был одним из основателей декабристских союзов: в 1816 году участвовал в создании Союза спасения, два года спустя вошел в управляющий орган, Коренной совет, Союза благоденствия. Но, по его собственному признанию, «до начала 1822-го года» он был в тайном обществе «самый недействительный, а следовательно, малозначащий член», не всегда присутствовал на собраниях, «мало входил в дела, соглашался с большинством голосов и во все время не сделал ни одного приема» [Муравьев-Апостол, 1927, с. 273]. Федор Глинка, один из лидеров Союза благоденствия и участник совещаний, показывал на следствии, что никогда не слышал от Муравьева-Апостола «ни одного резкого суждения. А при случае разговоров в *полюемическом* смысле он никогда не спорил, а часто шутил насчет тех, кои усиливались вы-

казать ученость и ум» [Глинка, 2001, с. 133]. Современники — и те, кто состоял в тайных обществах, и те, кто не состоял в них, — не могли, конечно, угадать в Сергее Муравьеве «того исступленного революционера, того безумного предводителя шайки мятежников... каким он явился впоследствии» [Греч, 1886, с. 379].

Однако в 1822 году произошел перелом: Сергей Муравьев-Апостол присоединился к Южному обществу, «Южному округу Союза благоденствия» — как называл эту организацию ее лидер полковник Павел Пестель. С этого времени Сергей Муравьев-Апостол «имел деятельнейшее участие» в делах тайного общества [Муравьев-Апостол, 1927, с. 273].

В поздних тайных обществах Муравьев был известен как один из наиболее решительных и нетерпеливых заговорщиков. Он настаивал на немедленном начале революции, несколько раз пытался организовать революционный поход. Удалось ему поднять восстание лишь после смерти императора Александра I и подавления выступления на Сенатской площади.

Восставший Черниговский полк продержался несколько дней: с 29 декабря 1825 до 3 января уже нового 1826 года. Но силы были неравны: полк был разгромлен, Сергей Муравьев-Апостол — вместе с братом Матвеем, тоже участвовавшим в походе, — арестован на поле боя. При разгроме восставших погиб младший из братьев, Ипполит, как раз в эти роковые дни приехавший к Сергею из столицы.

Об обстоятельствах, способствовавших превращению мирного офицера в «исступленного революционера», до сего времени почти ничего не было известно. Радикализации взглядов Муравьева-Апостола безусловно способствовала «история» в Семеновском полку, вследствие которой он был наказан без вины, выслан из гвардии в армию и попал под подозрение в политической неблагонадежности. Но такова была судьба всех офицеров-семеновцев — и лишь он один впоследствии решился возглавить восстание.

Несмотря на кажущуюся изученность его биографии, Сергей Муравьев-Апостол — один из самых сложных для исследования декабристов. Он «вообще не легко открывается современникам и потомкам», — утверждал Н. Я. Эйдельман [Эйдельман, 1975, с. 98].

* * *

Рассуждая о сложных взаимоотношениях Пестеля и Муравьева-Апостола, Эйдельман утверждал: «За двумя планами — кроме всего прочего — и два типа личности, две психологические системы. У одного — более разума, расчета, анализа. У другого преобладает стихия, вдохновение» [там же, с. 166]. С Эй-

дельманом можно согласиться: если Пестель был прежде всего прагматиком и политиком, то в Сергее Муравьеве воплотилась романтическая этика тайных обществ.

Этические установки Сергея Муравьева-Апостола отразились прежде всего в его письмах к отцу 1820-х годов, до сих пор не опубликованных и хранящихся в ГАРФ [Дело по просьбе ... , 1843].

В. С. Парсамов отмечает: «Пушкинское “мы все глядим в Наполеоны” очень точно передает тайные стремления многих молодых людей в России того времени. Человек без рода и племени, не рассчитывающий ни на что, кроме собственных сил и таланта, стал вершителем европейской политики. Без учета наполеоновского “мифа”, который будоражил многие умы, трудно понять многие планы и намерения декабристов, не говоря уже о том, что сами они были среди творцов этого мифа» [Парсамов, 2016, с. 9].

Сергей Муравьев-Апостол был одним из тех, кто творил этот миф. И в столице, и на юге он много читал, благодарил отца, отставного дипломата и писателя Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола, за то, что тот «почти с каждой почтой» посылал ему «кое-что», удовлетворяющее его «любопытность». «Кое-что» — это книги, журналы и газеты, в том числе и иностранные, которые потом, в письмах, сын обсуждал с отцом. Среди этих посылок — столичный журнал «Сын отечества», французские «Le Constitutionnel» и «Journal des débats», сочинения Тацита, Монтескье, Гесиода, Макиавелли и других авторов. Девятый том «Истории государства Российского», повествовавший о тираническом правлении Ивана Грозного, ему в подарок прислал кузен Никита Муравьев. Сергей был уверен, что «лучший способ» приобрести знание о человеке — это «философское изучение истории», особенно чтение «древних историков». Их произведения, по мнению подполковника, «более привязаны к людям, нежели к событиям» [Дело по просьбе ... , 1843, л. 84–84 об., 66 об.].

Результатом этого чтения и попыток осмыслить события и древней, и новейшей истории стала теория, которую Сергей Муравьев-Апостол впервые сформулировал в середине мая 1821 года и изложил в письме к отцу.

Люди, по его мнению, делятся на два «класса»:

<...> одни рождены, чтобы управлять, другие — быть ведомыми; но и те, и другие не всегда исполняют свое предназначение. Высшие люди, то есть те, кому природа предназначила управлять, часто не управляют как раз из-за этого положения превосходства, которое становится слишком очевидным и которое возмущает стадо баранов, поскольку ничто не прощается менее, чем превосходство. Чтобы управлять людьми, надо поступать, как Моисей; после беседы с

ним на горе Синай Бог украсил его голову двумя сверкающими лучами, — вот и Моисей. Но поскольку существует несколько разновидностей превосходства и, поскольку оно всегда относительно, случается так, что в царстве слепых одноглазые — короли.

Возникает ясновидящий, — и одноглазые объединяются против него, а слепые идут за ними. Шушукуются; рассказывают, что было сказано такое-то злое словцо, сделано такая-то вещь, при необходимости это выдумывают, — и вот создана репутация. С такой репутацией человек, который должен управлять, оказывается в стороне, а посредственности — в довольствии. Этот класс людей так сплочен, что никуда пойти невозможно, чтобы эта репутация не шла впереди и не становилась пугалом даже для умного человека. Любезный папенька, Вы во всех отношениях пережили больше меня; скажите, разве моя теория не находит подтверждение почти всегда на практике¹.

[Там же, л. 46–46 об.]

Ответ отца на рассуждения сына неизвестен, однако Сергей продолжил разговор в письме от 1 июня 1821 года:

Вы напрасно называете ласкательством, любезный Папенька, приведенный мною пример Моисея; я сообщил вам то, что я чувствовал; и хотя Гесиод и Макиавелли такие оба люди, противу коих мудрить неловко, но я все держусь первому моему разделению, прибавя, что некоторые люди, принадлежащие первому разряду, не хотят пользоваться властью, им от неба данною. Эти люди те, коих вы называете превосходительными.

[Там же, л. 51]

Иван Матвеевич счел «пример Моисея» «ласкательством», поскольку сын отнес его самого к тем, кому серость не прощает «превосходства». Из второго письма следует, что мысли о «разделении людей» возникли у Сергея от чтения Гесиода и Макиавелли.

Гесиод в «Теогонии», повествующей о происхождении богов, ведет речь также и о героях — рожденных, согласно верованиям, от богов и смертных: Ахилле, Энее, Геракле, Персее и т. д. Они повелевали другими, совершали подвиги, прославились и попали на страницы художественных произведений. Обычные же люди — прежде всего о них идет речь в поэме «Труды и дни» — добывают свой хлеб повседневным тяжелым трудом.

¹ Пер. с фр. Н. Ю. Воцинской.

Макиавелли, автор трактата «Государь», писал, в частности, о тех, «кто приобрел власть не милостью судьбы, а личной доблестью». Первым в череде таких людей Макиавелли называет библейского пророка Моисея, сделавшегося «достойным собеседовать с Богом» [Макиавелли, 2021, с. 40].

Ни Гесиод, ни Макиавелли прямо о «разделении» людей не писали. Сергей Муравьев-Апостол это знал, поэтому испытывал неловкость, «мудря», додумывая за них. Эта концепция отражала собственные воззрения подполковника.

Подтверждением этой концепции, а также того очевидного факта, что себя самого Сергей Муравьев-Апостол относил к числу «высших», служит известное стихотворение, написанное по-французски, переведенное по-русски, по-видимому, его троюродным братом Михаилом Луниным:

Je passerai sur cette terre,
Toujours rêveur et solitaire,
Sans que personne m'ait connu.
Ce n'est qu'au bout de ma carrière,
Que par un grand trait de lumière
On verra ce qu'on a perdu.

*Задумчив, одинокий,
Я по земле пройду, не знаемый никем,
Лишь пред концом моим,
Внезапно озаренный,
Познает мир, кого лишился он.*

[Стихотворения декабристов, 1825–1836, л. 1 об.;
Муравьев-Апостол, 1951, с. 187; Лунин, 1988, с. 27]

Собственно, идея стихотворения как раз и заключается в том, что «стадо баранов» не хочет признавать «высшего», и только его смерть — когда над ним, как над головой Моисея, вспыхнет свет — может вывести «одноглазых» и «слепых» из заблуждения.

К этому следует добавить, что в числе «высших» Сергей Муравьев-Апостол видел и своего молодого друга, подпоручика Михаила Бестужева-Рюмина, декабриста, впоследствии погибшего вместе с ним на виселице. Бестужев, по его словам, был молод, но ошибки, которые он делал, «являются предзнаменованием будущего его превосходства» [Муравьев-Апостол, 1938, с. 226]. Избранным в его глазах был и брат Матвей: отцу он писал, что «маленькие люди», ко-

торыми наполнен Петербург, могут отомстить брату «за превосходство градом нападок» [Дело по просьбе ... , 1826, л. 88 об.].

Сергей Муравьев-Апостол находил подтверждение своим идеям в «Русской Правде» Пестеля. Лидер Южного общества утверждал: «Разделяются члены общества на повелевающих и повинующихся», и «сие разделение неизбежно потому, что происходит от природы человеческой». Критерием этого разделения является либо нравственное превосходство «повелевающих», либо принцип выборности: «Возлагают члены общества на одного или нескольких из них обязанность избирать средства, предоставляя им право распоряжаться общим действием» [Пестель, 1958, с. 113].

Однако то, что Пестель видит практическим основанием будущего республиканского устройства России, для Сергея Муравьева превращается к 1825 году в вопрос революционной этики.

Но осознание собственной исключительности не привело Сергея Муравьева-Апостола к идее вседозволенности.

Из рассуждений подполковника можно сделать вывод, в частности, о том, что он не мог быть согласен с идеей, положенной Пестелем в основание «Русской Правды»:

Первоначальная обязанность человека, которая всем прочим обязанностям служит источником и порождением, состоит в сохранении своего бытия. Кроме естественного разума сие доказывается и словами Евангельскими, заключающими весь закон Христианский: люби Бога, и люби ближнего, как самого себя, словами, вмещающими и любовь к самому себе как необходимое условие природы человеческой, закон естественный, следственно, обязанность нашу.

[Там же, с. 115]

Для Муравьева-Апостола водораздел между людьми никак не зависит от принципа выборности, а «любовь к самому себе» вовсе не является «необходимым условием природы человеческой». Эгоисты, по его мнению, — это люди «ничтожные», отличающиеся «непостоянством». В сердцах таких людей «есть место только для чувств низменных и мелких», они «приспосабливаются ко всяким обстоятельствам». «Но сами эти люди — не отбросы ли они человеческого рода?» — задает вопрос Сергей Муравьев-Апостол.

Люди же «деятельного характера» живут, по мнению Муравьева, по-другому: «В их природе непостоянства нет <...>. Жизнь имеет для них прелесть только тогда, когда они могут посвятить ее благу других. Они <...> или

овладевают событиями, или падают под их тяжестью, но не станут к ним приспособляться» [Муравьев-Апостол, 1928, с. 224]. Эйдельман видел в этом письме «автопортрет» автора: естественно, к тем, кто ни за что не станет «приспосабливаться» к событиям, подполковник относил и себя [Эйдельман, 1975, с. 205].

Жертвенность органично сочеталась в Муравьеве-Апостоле с уверенностью в том, что ход мировой истории определяют сильные личности. Залог победы революции подполковник видел не в длительной подготовке и даже не в присутствии четкого «плана действий». «Масса ничто, она будет тем, чего захотят личности, которые все» — эта фраза Сергея Муравьева стала известна следствию из показаний активного заговорщика, отставного подполковника Александра Поджио. Залог победы, по словам Муравьева-Апостола, — «железная воля нескольких людей», «энергичных вождей», которая может «привести к возрождению народ разобщенный, темный и униженный» [Поджио, 1954, с. 79; Тизенгаузен, 1954, с. 245, 246].

* * *

Религиозность Муравьева — важнейшая часть его этической системы — издавна привлекала внимание и историков, и публицистов. «Мы можем утверждать, что он был религиозен в высшем значении этого слова. Он не удовлетворял идеалам обрядового христианства, но его мятежное возбуждение, его жажда революционным путем улучшить жизнь человечества носит на себе все признаки религиозного вдохновения», — утверждал П. Е. Щеголев [Щеголев, 1908, с. 58].

Но доступные на сегодняшний день источники, и прежде всего собственноручные письма Муравьева-Апостола, до 1825 года не фиксируют «признаки религиозного вдохновения». Конечно, подполковник был религиозен, как и большинство его современников. Но даже вступление в Южное общество и подготовка реального переворота не превратили «русского Риго» в религиозного проповедника.

Конечно, он всегда хотел оказаться на Рождество в Хомутце и сожалел, что «в день счастья» часто не мог быть рядом с родными [Дело по просьбе ... , 1843, л. 13 об.].

Когда же ему удавалось вырваться в отцовское имение, он вместе с родными исполнял христианские обряды.

На следствии в 1826 году, на вопрос: «Какой веры и ежегодно ли бываете на исповеди и у святого причастия?» — Сергей Муравьев-Апостол отвечал: «Веры я христианской, исповедания греческого, на исповеди и у Св. Причастия

с прошлого 1821-го года не бывал». При этом цифра «1821» была исправлена из другой цифры, «1823» [Муравьев-Апостол, 1927, с. 263–264]. Комментируя этот ответ, Эйдельман утверждал, что «Сергей Иванович не мог точно вспомнить, сколько времени не был на исповеди и причастии» [Эйдельман, 1975, с. 150].

Это неверно: первоначально фигурировавший в показаниях 1823 год был временем, когда он «причащался» в отцовском имении Хомулец; письмо, в котором он рассказывал об этом, датировано 10 февраля [Письма ... , 1926, с. 130]. Зачеркнул же он эту дату, скорее всего, постольку, поскольку в Хомулец он ездил по частным договоренностям, без официального разрешения начальства.

Очевидно, что в 1821 году он «исполнял христианский долг» при полку, во время Великого поста. Согласно приказам главнокомандующего, генерала Остен-Сакена, «исповедные <...> именные списки о воинских чинах», исполнивших долг, полковые священники были обязаны «доставлять к обер-священнику армии» [Подлинные приказы ... , 1821, л. 51; Подлинные приказы ... , 1822, л. 40 и др.].

Исследователи, характеризуя поздние религиозные взгляды Муравьева-Апостола, основывались прежде всего на «Православном катехизисе», сочиненном им совместно с Бестужевым-Рюминым и прочитанном 31 декабря 1825 года в Василькове перед восставшим Черниговским полком. «Во втором часу зимнего дня на городской площади был провозглашен единым царем Вселенной Иисус Христос», — писал Щеголев [Щеголев, 1908, с. 58, 72].

Но текст «Катехизиса» и сопутствующих ему двух прокламаций был написан накануне ночью и содержал, по свидетельству Бестужева-Рюмина, «выписки из Священного Писания в либеральном смысле» [Бестужев-Рюмин, 1950, с. 60]. «Содержание его [“Православного катехизиса”] относится к представительному правлению», — показывал Матвей Муравьев-Апостол. Сам Матвей «Катехизис» не одобрял, «оний считал всегда ребячеством» [Муравьев-Апостол, 1950, с. 184, 186].

Ситуация военного мятежа вряд ли была годной для серьезного обсуждения с солдатами вопросов веры. «Катехизис» и прокламации были написаны накануне ночью, их задача была пропагандистской. Основная мысль этих документов вполне светская: командир доказывал солдатам, что «бог не любит царей». Цари, согласно «Катехизису», «прокляты яко притеснители народа», и на них следует «ополчиться» «русскому воинству» и всем «чистым сердцем».

Однако в «Катехизисе» можно увидеть и отражение представлений Сергея Муравьева-Апостола о своей миссии в мире:

Вопрос: Каким же образом ополчиться всем чистым сердцем?

Ответ: Взять оружие и следовать смело за глаголющим во имя Господне.

[Муравьев-Апостол, 1927, с. 254–256]

Еще один эпизод из жизни Сергея Муравьева-Апостола, на котором исследователи обычно строят рассуждения о его религиозности, — беседа с соратниками по заговору в августе 1825 года. Согласно показаниям Горбачевского, тогда подпоручика, обсуждался вопрос, можно ли — с точки зрения «бога» и «религии» — умышлять «против правительства, государя», а также планировать цареубийство. «Муравьев, вскочивши, вынул бумагу и начал читать выписку из Библии, в коей он читал, что сие не противно ни богу, ни религии», — показывал Горбачевский [Горбачевский, 1926, с. 210].

Тот же эпизод Горбачевский впоследствии переосмыслил: разговор, согласно позднейшим «Запискам», шел о способах сделать солдата союзником офицеров-заговорщиков.

Сам автор мемуаров, по его словам, «был убежден, что откровенность и чистосердечие подействуют на русского солдата более, нежели все хитрости махиавелизма». Однако «Муравьев думал иначе: ему казалось не только бесполезным, но даже опасным открывать солдатам что-либо клонящееся к цели Общества; что они отнюдь не в состоянии понять выгод переворота», «по его мнению, лучший способ действовать на русских солдат религиею; что в них должно возбудить фанатизм и что чтение Библии может внушить им ненависть к правительству».

Обосновывая свою концепцию, Сергей Муравьев «вынул из ящика исписанный лист бумаги», и это была часть «той главы из Ветхого завета, где описывается избрание израильтянами царя Саула» [Горбачевский, 1963, с. 28–29].

Горбачевский явно «вчитал» в мемуары свои позднейшие знания о «Катехизисе»: речь в беседе не шла ни о способах воздействия на солдат, ни об избрании Саула; на фрагментах из 8-й главы «Книги Царств», в которой Господь гневается на израильтян, просящих у него царя, построен «Православный катехизис». «Очень помню, что подполковник Муравьев вынимал из ларчика выписку из Библии и читал тексты из “Книги Сираха”», смысл которых клонился «к опровержению существования царей», — показывал присутствовавший при разговоре майор Михаил Спиридов [Спиридов, 1926, с. 127].

Как и «Книга Царств», «Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова» использовалась Сергеем Муравьевым-Апостолом для агитации: присутствовавшие при разговоре молодые офицеры должны были стать цареубийцами, им

следовало доказать, что «покушение на жизнь Государя Богу не противно» [Муравьев-Апостол, 1927, с. 405].

Среди речений этой книги можно найти следующие: «Царь ненаученный погубит народ свой, а при благоразумии сильных устроится город», «Господь низвергает престолы властителей и посаждает кротких на место их». Древний мудрец призывал сокрушать «головы начальников вражеских, которые говорят: “никого нет, кроме нас!”» и спасти «обижаемого от руки обижающего» (Сир. 10:3, 17; 36:11; 4:9).

Согласно «Книге Сираховой», человеку не следует приучать своих уст к клятве, а тем более не следует «обращать в привычку» «употреблять в клятве имя Святаго», «Ибо, как раб, постоянно подвергающийся наказанию, не избавляется от ран, так и клянущийся непрестанно именем Святаго не очистится от греха». Не следует также подчиняться «глупому» и «смотреть» на «сильного» (Сир. 23:8–10; 4:31).

Однако «Книга Сирахова» гораздо больше, чем «Книга Царств», отражала личные верования подполковника. По мнению И. В. Карацубы, Муравьева «не могли оставить равнодушным» слова,

<...> подчеркивающие свободу воли и свободу выбора человека, живущего по заповедям: «Господь от начала сотворил его и оставил в руке его произволения его. Если хочешь, соблюдешь заповеди и сохранишь благоугодную верность... Пред человеком жизнь и смерть, и чего он пожелает, то и дастся ему» (Сирах 15:14–17). По Сираху, человек имеет свободу выбора и, следовательно, несет ответственность за свои поступки. Перед ним начертаны два пути — путь добра и путь зла. Рисуя картину нравственного и социального зла в человечестве, мудрец связывает его и с первородным грехом, и с личным выбором, решением человека.

[Карацуба, 2008, с. 468–469]

* * *

Вероятно, именно совокупность этих этических представлений и превратила его, обычного армейского офицера с семеновским прошлым, в обаятельного, яркого, харизматичного «Апостола Сергея» (выражение Н. Я. Эйдельмана). Вера в себя как в избранного, «глаголящего во имя Господне», приведет его к явно преувеличенным представлениям о собственном влиянии в армии, к тому, что ему будет возможно единолично организовать и возглавить вооруженное восстание. «Стóит только начать, — говорил он весьма часто, — и увидите, что в самое короткое время не только вся армия, но и весь народ восста-

нет» [Тизенгаузен, 1954, с. 287]. Собственно, именно поэтому и стало возможно восстание Черниговского полка.

Восстание, как известно, было разгромлено 3 января 1826 года, подполковник Муравьев-Апостол был ранен и арестован на поле боя. Его показания на следствии спокойны и обстоятельны, на большинство заданных следователями вопросов он отвечал подробно, «припоминал» обстоятельства и фамилии, не впадая в отчаяние.

Откровенность была вызвана прежде всего тем, что он искренне презирал следователей, для него все они, а возможно, даже и сам император, были людьми «ничтожными», «непостоянными», «отбросами человеческого рода». Произошедшее же с ним самим вполне укладывалось в концепцию «разделения людей»: «провидец» проиграл, и против него объединились «одноглазые» и «слепые». Во имя собственной идеи он вполне был готов принести себя в жертву.

«Несчастливым приключением» и «несчастливым происшествием» называл восстание Черниговского полка Матвей Муравьев-Апостол. Подпоручик Бестужев-Рюмин, «в оковах» «раскрывший глаза», был уверен: «Самый успех нам был бы пагубен для нас и для России» [Муравьев-Апостол, 1950, с. 202, 236; Бестужев-Рюмин, 1950, с. 49].

Для Сергея Муравьева-Апостола, по-прежнему верившего в свою избранность, проигранное восстание не было предметом раскаяния и позднего прозрения. Следователям подполковник заявлял: «По происшествию возмущения Черниговского полка, я возмутил его сам, один», «на все возмущение Черниговского полка самое большое влияние, и, могу прибавить, единственное влияние имел я», «я положил, не отлагая времени, начать возмущение», «“Катехизис”, читанный перед Черниговским полком, большею частью моего сочинения, и Бестужев мало в оном участвовал» [Муравьев-Апостол, 1927, с. 244, 288, 286]. Раскаивался подполковник «только в том, что вовлек других, особенно нижних чинов, в бедствие» [Журналы ... , 1986, с. 158].

Веру подполковника в себя как в «глаголящего во имя Господне», «избранного», решившегося подвизаться «за истину до смерти» (Сир. 4:32) и пожертвовать жизнью за других, не смогли поколебать ни разгром восстания Черниговского полка, ни ранение на поле боя, ни тюрьма, ни ожидание смертной казни. При этом нравственное воздействие подполковника на людей оказалось столь сильным, что перед ним не смог устоять даже православный священник Петр Мысловский. Мысловский, духовник православных заключенных, навещавший их в Петропавловской крепости, говорил, что в камере Сергея Муравьева им овладевает «такое же чувство благоговейное, как при вшествии в алтарь пред божественною службою» [Розен, 1984, с. 179].

Отцу из тюрьмы Сергей Муравьев-Апостол писал: «Я много надеюсь на милость Господа, который читает в сердцах и не может осудить меня за чувства моего сердца». Те же идеи лежат в основе его «тюремного дневника», брату же Матвею перед казнью он рассказывал о собственной «уверенности», что его «жертва» «не отвергнута» Христом [Журналы ... , 1986, с. 158; Муравьев-Апостол, Письма, 1887, с. 320; Муравьев-Апостол, Письмо к отцу ... , 1887, с. 51–52, 53].

Перед казнью руководитель восстания Черниговского полка, кроме письма к брату, написал небольшую записку. Там на русском и французском языках цитируется 4-я глава Второго послания к Тимофею апостола Павла: «Се время моего отшествия наста. Подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох»; запись крест-накрест перечеркнута карандашом. На другой стороне — указание на время написания и авторство: «Писано в крепости — после объявления смертного приговора. Сергей Муравьев-Апостол. 1826 году» [Письмо Муравьева-Апостола, 1826, л. 2–2 об.; Муравьев-Апостол, 1887, с. 50].

Список источников

Бестужев-Рюмин М. П. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Госполитиздат, 1950. Т. 9. С. 26–176.

Глинка Ф. Н. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.; РОССПЭН, 2001. Т. 20. С. 93–143

Горбачевский И. И. Записки, письма. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 354 с.

Горбачевский И. И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 5. С. 184–159.

Греч Н. И. Записки о моей жизни. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1886. 588 с.

Дело по просьбе коллежского регистратора Либенау о дозволении ему представить Государю Императору бумаги, заключающие в себе важные государственные тайны, 1843 // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 18. 1-я эксп. 1843 г. Д. 185.

Журналы и докладные записки Следственного комитета // Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1986. Т. 16. 400 с.

Карацуба И. В. «Православный катехизис» С. И. Муравьева-Апостола: комментарий // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы. М.: РГГУ, 2008. С. 460–476.

Лунин М. С. Письма из Сибири. М.: Наука, 1988. 496 с.

Макиавелли Н. Государь. М.: АСТ, 2021. 256 с.

Муравьев-Апостол М. И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.: Госполитиздат, 1950. Т. 9. С. 177–284.

Муравьев-Апостол С. И. «Je passerai sur cette terre...» // Декабристы: поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика. М.; Л.: Худ. лит-ра, 1951. С. 187, 626.

Муравьев-Апостол С. И. Два письма // Красный архив. 1928. Т. 5 (30). С. 222–226.

Муравьев-Апостол С. И. Письма // Русский архив. 1887. № 3. С. 315–320.

Муравьев-Апостол С. И. Письмо к отцу от 21 января 1826 г. Предсмертные размышления. Письмо накануне казни к брату его, Матвею Ивановичу // Русский архив. 1887. № 1. С. 47–54.

Муравьев-Апостол С. И. Письмо к С. М. Мартынову // Декабристы. М.: Изд. Гос. лит. музея, 1938. С. 224–227.

Муравьев-Апостол С. И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 227–412.

Парсамов В. С. Декабристы и русское общество 1814–1825 гг. М.: Алисторус, 2016. 242 с.

Пестель П. И. Русская Правда и сочинения, ей предшествующие. М.: Госполитиздат, 1958. 692 с.

Письма С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов к А. Д. и А. И. Хрущевым // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Т. 1. С. 108–139.

Письмо Муравьева-Апостола Сергея Ивановича неустановленному лицу, написанное после объявления смертного приговора в Алексеевском равелине, 1826 // ГАРФ. Ф. 1002. Оп. 2. Д. 9.

Поджио А. В. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1954. Т. 11. С. 37–94.

Подлинные приказы главнокомандующего барона Сакена по 1 армии, 1821 // РГВИА. Ф. 14414. Оп 10/291 (11а), св. 11 (224). Д. 68. Ч. 1.

Подлинные приказы главнокомандующего барона Сакена по 1 армии, 1822 // РГВИА. Ф. 14414. Оп 10/291 (11а), св. 12 (225). Д. 73. Ч. 1.

Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. 480 с.

Спиридов М. М. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 5. С. 102–180.

Стихотворения декабристов, 1824–1836 // ГАРФ. Ф. 1002. Оп 2. Д. 6.

Тизенгаузен В. К. Следственное дело // Восстание декабристов. Документы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1954. Т. 11. С. 238–412.

Щеголев П. Е. Катехизис Сергея Муравьева-Апостола (Из истории агитационной литературы декабристов) // Минувшие годы. 1908. № 11. С. 50–80.

Эйдельман Н. Я. Апостол Сергей. М.: Политиздат, 1975. 365 с.

References

‘Pis’ma S.I. i M.I. Murav’evyh-Apostolov k A.D. i A.I. Hrushhevym’ [‘Letters of S.I. and M.I. Murav’ev-Apostol’s to A.D. and A.I. Khrushchev’] (1926) in *Pamjati dekabristov: Sb. Materialov. Tom 1* [Memories of the Decembrists: Collection of Materials. Vol. 1]. Leningrad: Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR Publ., pp. 108–139.

‘Zhurnaly i dokladnye zapiski Sledstvennogo komiteta’ [‘Journals and Memoranda of the Investigative Committee’] (1986) in *Vosstanie dekabristov. Dokumenty. Tom 16* [Decembrist Uprising. Documents. Vol. 16]. Moscow: Nauka Publ.

Bestuzhev-Ryumin, M.P. (1950) ‘Sledstvennoe delo’ [‘Criminal Case’], in *Vosstanie dekabristov. Materialy. Tom 9* [Decembrist Uprising. Documents. Vol. 9]. Moscow: Gosolitizdat Publ., pp. 26–176.

Glinka, F.N. (2001) ‘Sledstvennoe delo’ [‘Criminal Case’], in *Vosstanie dekabristov. Materialy. Tom 20* [Decembrist Uprising. Documents. Vol. 20]. Moscow, Rosspen Publ., pp. 93–143.

Gorbachevskij, I.I. (1926) ‘Sledstvennoe delo’ [‘Criminal Case’], in *Vosstanie dekabristov. Materialy. Tom 5* [Decembrist Uprising. Documents. Vol. 5]. Moscow: Gosizdat Publ., pp. 184–159.

Gorbachevskij, I.I. (1963) *Zapiski, pis’ma* [Notes, Letters]. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR Publ.

Grech, N.I. (1886) *Zapiski o moej zhizni* [Notes on my Life]. St. Petersburg: A.S. Suvorin Publ.

Jejdel’man, N.Ja. (1975) *Apostol Sergej* [Apostle Sergey]. Moscow: Politizdat Publ.

Karatsuba, I.V. (2008) ‘«Pravoslavnyj katehizis» S.I. Murav’eva-Apostola: kommentarij’ [“Orthodox Catechism” by S.I. Murav’ev-Apostol: Commentary], in *Dekabristy: aktual’nye problemy i novye podhody* [Decembrists: Current Problems and New Approaches]. Moscow: Russian State University for the Humanities RSUH Publ., pp. 460–476.

Lunin, M.S. (1988) *Pis’ma iz Sibiri* [Letters from Siberia]. Moscow: Nauka Publ.

Makiavelli, N. (2021) *Gosudar’* [The Sovereign]. Moscow: AST Publ.

Murav’ev-Apostol, M.I. (1950) ‘Sledstvennoe delo’ [‘Criminal Case’], in *Vosstanie dekabristov. Materialy. Tom 9* [Decembrist Uprising. Documents. Vol. 9]. Moscow: State Publishing House of Political Literature Publ., pp. 177–284.

Murav’ev-Apostol, S.I. (1887) ‘Pis’ma’ [‘Letters’], *Russkii arkhiv* [Russian Archive], 3, pp. 315–320.

Murav’ev-Apostol, S.I. (1887) ‘Pis’mo k ottsu ot 21 yanvarya 1826 g. Predsmertnye razmyshleniya. Pis’mo nakanune kazni k bratu ego, Matveyu Ivanovichu’ [‘Letter to his father on January 21, 1826. Letter to his brother, Matvei Ivanovich, on the eve of his execution’], *Russkii arkhiv* [Russian Archive], 1, pp. 47–54.

Murav'ev-Apostol, S.I. (1927) 'Sledstvennoe delo' ['Criminal Case'], in *Vosstanie dekabristov. Materialy. Tom 4* [Decembrist Uprising. Documents. Vol. 4]. Moscow; Leningrad: Gosizdat Publ., pp. 227–412.

Murav'ev-Apostol, S.I. (1928) 'Dva pis'ma' ['Two Letters'], *Krasnyi arkhiv* [Red Archive], 5(30), pp. 222–226.

Murav'ev-Apostol, S.I. (1938) 'Pis'mo k S.M. Martynovu' ['Letter to S.M. Martynov'], in *Dekabristy* [Decembrists]. Moscow: State Literary Museum Publ., pp. 224–227.

Murav'ev-Apostol, S.I. (1951) «Je passerai sur cette terre...», in *Dekabristy: poezija, dramaturgija, proza, publicistika, literaturnaja kritika* [Decembrists: Poetry, Drama, Prose, Journalism, Literary Criticism], Moscow; Leningrad: Hudozhestvennaja literatura Publ., pp. 187, 626.

Parsamov, V.S. (2016) *Dekabristy i russkoe obshhestvo 1814–1825 gg.* [The Decembrists and Russian Society 1814–1825]. Moscow: Alistorus Publ.

Pestel, P.I. (1958) *Russkya Pravda i sochinenija, ej predshestvujushhie* [Russkya Pravda and the Works that Preceded it]. Moscow: Gosolitizdat Publ.

Podzhio, A.V. (1954) 'Sledstvennoe delo' ['Criminal Case'], in *Vosstanie dekabristov. Materialy. Tom 11* [Decembrist Uprising. Documents. Vol. 11]. Moscow; Leningrad: Gosizdat Publ., pp. 37–94.

Rozen, A.E. (1984) *Zapiski dekabrysta* [Memoirs of a Decembrist]. Irkutsk: East Siberian Book Publishers Publ.

Shegolev, P.E. (1908) 'Katekhizis Sergeya Murav'eva-Apostola (Iz istorii agitatsionnoi literatury dekabristov)' ['Catechism of Sergei Murav'ev-Apostol (From the History of Decembrists' Agitational Literature)'], *Minuvshie gody* [The Past Years], 11, pp. 50–80.

Spiridov, M.M. (1926) 'Sledstvennoe delo' ['Criminal Case'], in *Vosstanie dekabristov. Materialy. Tom 5* [Decembrist Uprising. Documents. Vol. 5]. Moscow; Leningrad: Gosizdat Publ., pp. 102–180.

Tizengausen, V.K. (1954) 'Sledstvennoe delo' ['Criminal Case'], in *Vosstanie dekabristov. Materialy. Tom 11* [Decembrist Uprising. Documents. Vol. 11]. Moscow; Leningrad: Gosizdat Publ., pp. 238–412.

Информация об авторе: О. И. Киянская — доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). Адрес: Российская Федерация, 125047, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6; ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Адрес: Российская Федерация, 117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21.

Information about the author: O. I. Kiyanskaya — DSc in History, Professor, Russian State University for the Humanities (RGGU). Address: 6 Miuskaya Sq., Moscow, GSP-3, 125047, Russian Federation; Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS). Address: 51/21 Nakhimovsky Prosp., Moscow, 117418, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.01.2022;
одобрена после рецензирования 05.03.2022;
принята к публикации 09.03.2022.

The article was submitted 24.01.2022;
approved after reviewing 05.03.2022;
accepted for publication 09.03.2022.